

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Образ (Глава Девятая. Готическая зала)

Сполоснув под прохладным душем оскверненное тело подруги, Клэр помогла ей выйти из ванны, и теперь была в своих движениях предупредительна и осторожна. Она сама вытирала ее, растирала и обхаживала.

Разгладила и причесала узкий треугольник в паху. Потом опрыскала душистым освежителем груди, подмышки, шею, низ ягодич и расщелину между ними. Волосы быстро сохли благодаря маленькому электрическому фену, а Клэр тем временем с большой тщательностью густо натирала красным рот и соски девушки.

Бережность ее казалась беспредельной, и она шла на все, чтобы только сделать подругу еще красивее и быть с ней ласковой. Она не боялась ни становиться перед ней на колени на голубой резиновый коврик, ни целовать при первой же возможности самые привлекательные места на ее теле. Делая все это, словно мать, горничная или ребенок, играющий с куклой, она громко комментировала свои действия и даже обращалась ко мне за советом, какие духи или какого цвета губную помаду ей выбрать.

Покончив с этим, она надела на маленькую Энн чулки с кружевной окантовкой, а также поясок и бюстгальтер, которые я купил намеренно. Она велела своему творению повернуться, последний раз осмотрела его, после чего подтолкнула к дивану:

— Подойди и поцелуй господина, который тебя любит.

Я почти лежал. Девушка замерла возле и долго целовала меня в губы со всей терпеливостью и нежностью, которая, как я теперь знал, была ей свойственна. Я обнял ее за талию и притянул к себе.

Потом моя рука скользнула вверх по позвоночнику к шее, где она остановилась, чтобы далее управлять касаниями наших губ, их интенсивностью и продолжительностью, так что мне уже не приходилось двигать головой. Незаметно в это мгновение мне захотелось увидеть Клэр. Я отстранил светлую головку, и девушка уткнулась лицом мне в плечо.

Взгляд Клэр скользнул с волнующихся ягодич на мою руку, прижимавшую затылок, а потом встретился с моим взглядом. Теперь маленькая Энн целовала меня в шею. Я обратил внимание на то, что ее хозяйка через силу выносит зрелище наших объятий, в которых, как она вдруг почувствовала, ей уготована роль лишь сторонней наблюдательницы. Я специально затягивал это испытание... Не торопя событий, я между тем продолжал следить за Клэр, пока ее возбуждение не достигло предела. Она стояла у дивана, в двух метрах от нас, не решаясь ни нам помешать, ни к нам присоединиться. Когда я, наконец, отстранился от девушки, Клэр заставила ее подняться и сама села возле меня.

— Ну, девчонка, на кого это ты собралась произвести впечатление? Жан пришел, чтобы принять участие в твоём наказании. Ты сможешь целовать его еще, если он захочет, после того, как мы помучаем тебя по-настоящему.

— Да, разумеется, — спокойно сказал я. — С чего начнем?

В соответствии с ритуалом жертве надлежало встать коленями на плиточный пол перед своими мучителями, чтобы сначала во всех подробностях услышать о тех мучениях, которым ее собираются подвергнуть.

Ее привяжут к одному из каменных столбов в комнате пыток. Потом отстегают плеткой ляжки и промежность. Затем тонкими раскаленными иглами прижгут самые нежные места

на теле. Наконец, ей до крови высекут груди. Стараясь говорить естественным тоном, Клэр осведомилась у меня, пробовал ли я когда-нибудь издеваться над женщинами подобными иглами.

— Вот увидите, — сказала она. — Это весьма забавно. Следов от них почти не остается; когда острое стерилизуется в пламени, уколы не опасны. Зато боль ужасна — не правда ли, малышка? Можно без конца тыкать в одно и то же место, причем эффект при этом не ослабевает... Готическая зала выглядела точно так же, как на фотографиях: железная кровать, черно-белый плиточный пол, две каменные колонны, поддерживающие сводчатую часть очень высокого потолка напротив узкого, глубокого окна, обрамленного красными бархатными гардинами. Искусственное освещение исходило от настенных ламп и трех направленных прожекторов. Все вместе, создавая атмосферу торжественности и интимности, это весьма напоминало помещение церкви. При своеобразии квартиры в целом эта странная комната нисколько не казалась неожиданной.

Рядом друг с другом стояли два кожаных кресла, в которые мы с Клэр и сели. Клэр хотела пить. Естественно, прохладительные напитки нам принесла все та же маленькая Энн — в кружевных чулках (без туфель), в пояске и бюстгальтере из белого нейлона, оставивших все, что только можно было пожелать, элегантно оголенным.

Пока мы пили, девочка, опустившись на колени, чтобы подавать нам бокалы, оставалась в этой позе и ждала наших очередных капризов.

Поза, принять которую ее вынудила ситуация, была той же, что однажды уже дала мне возможность поразвлечься: раздвинутые ляжки, прямая спинка, поднятые руки, приоткрытые губы. Большие глаза излучали яркий, почти сверхъестественный блеск, возвращавший нас на несколько веков назад к экстазу христианских мучеников.

Мы все трое знали, что пытки, объявленные на вечер, не выдумка. Сознание того, что через какое-то мгновение они вызовут страшные судороги боли в этой женщине, наполняли ее и без того восхитительную плоть ни с чем не сравнимым шармом. Я велел ей немного приблизиться и нежно провел кончиками пальцев по округлым формам и углублениям, на которыми мы намеревались надругаться без каких-либо ограничений, просто пока нам это не надоест.

Промежность у нее была по-прежнему влажна, вероятно, еще после наших поцелуев в ванной; если только унижительной позы, того бесстыдства, которого мы от нее добивались, или ожидания пытки уже само по себе не было достаточно, чтобы возбудить ее, как упоминала Клэр. Мне захотелось еще сильнее распалить ее более направленными прикосновениями. Но тут я подумал, что в эту грозную минуту было бы приятно увидеть, как она делает это сама.

— Может, пусть девочка сначала поласкает себя? — предложил я Клэр.

Та, разумеется, была, со мной согласна. Но прежде она решила завязать глаза девушки черной лентой. По ее приказу Энн поднялась и принесла из угла комнаты, где они лежали на низеньком столике, повязку и предписанную плеть.

Передав из своей хозяйке, она заняла прежнее положение. Клэр показала мне оба предмета. Плеть была не той, что вчера: эта оказалась тоньше и острее. Клэр сразу же опробовала ее на ляжке девушки. Она прищурилась и склонила голову на бок. На гладкой коже проступила тонкая красная полоска.

— Девочка сделала правильный выбор, — сказала Клэр. — Сама сегодня утром покупала. При

помощи черной бархатной ленты, удерживаемой резинкой, Клэр завязала ей глаза, что восхитительным образом довершило ее наряд.

Стоя на коленях в лучах прожекторов, маленькая Энн была вынуждена ласкать себя: сперва груди с подкрашенными розовым кончиками, не стесняемые бюстгальтером; потом пах под кружевной дугой белого нейлона. Она действовала обеими руками, усердно растягивала, но одновременно старалась не загораживать нам обзор пальцами.

Мы же между тем преспокойно потягивали из бокалов наш оранжад. Клэр и я, как будто заранее сговорившись, одновременно посмотрели друг на друга. Я подумал о том последнем снимке, для которого позировала не маленькая Энн и который являл схожую сцену.

Я был уверен, что Клэр думает о том же... о том, что и я об этом думаю... В сумраке ее лицо вырисовывалось неясно, однако я догадывался, что она тоже в замешательстве. Сквозь плотную повязку Энн не видела ничего. Я бесшумно встал и склонился над креслом Клэр. Лицо, поднявшееся навстречу моему, выражало удивление. Я ее, почти не касаясь губ, но потом приник всем ртом и заметил, что она начинает уступать...

— Оставьте меня, — вдруг воскликнула она и вскочила. Чтобы исправить ошибку, вызванную приливом эмоций, вовсе в ее планы не входившим, она нагнулась над коленопреклоненной девушкой. Схватив плеть, она с размаху хлестнула несчастную жертву по ляжкам, причем права прекратить игру той дано не было. Нанося удар, Клэр проговорила:

— Ну, ласкай себя, девчонка!

Напротив, обжигающая боль заставила девушку замереть. Клэр хлестнула еще раз:

— Ласкай!

Вне себя от страха, девушка тотчас подчинилась.

— Лучше, — сказала Клэр, и плеть снова сухо щелкнула по ляжкам.

Сгорая от нетерпения, Клэр в конце концов завалила девушку на пол и сама принялась страстно ее ласкать. Энн лежала на спине, согнув и подняв колени, руки вытянуты за головой. Клэр встала на одно колено и склонилась над своей добычей. Девушка издала протяжный стон. Скоро она уже полностью потеряла власть над собой и закричала. Крики рвались из самого горла, рот уже не закрывался и до неузнаваемости искажал черты лица.

— Взгляните, — бормотала Клэр, — как она хороша, когда у нее наступает оргазм, маленькая, сладострастная девочка...

И я на самом деле увидел, что девушка ритмично двигается, мотает головой из стороны в сторону и сжимает кулачки. В конце концов она вытянула ноги, одним рывком перевернулась на бок и осталась лежать, съежившаяся и неподвижная на черно-белых плитках пола...

Однако Клэр еще не была удовлетворена окончательно. Она сорвала с девушки бюстгальтер, пояс и чулки, оставив лишь черную повязку на глазах.

Ударом плетки Клэр снова заставила ее встать на колени перед моим креслом. Она велела несчастной продолжать, однако сдобрила свой приказ утонченностью позора и наслаждения:

— Не забывай и про попку!

Рука послушно скользнула за спину в расщелину между ягодиц. Вероятно, девушка была в этом месте очень чувствительна, потому что она почти сразу же снова возбудилась. Однако вместо того, чтобы дать ей пережить наивысшее упоение, Клэр схватила девушку и, подтолкнув к одной из колонн, прижала ее спиной к камню. Во мгновение ока маленькая Энн оказалась связанной по рукам и ногам, словно распятая на кресте, с запястьями и щиколотками, стянутыми за колонной. Я направил в ту сторону луч прожектора и

приблизился. Руки и ноги были сцеплены с двумя парами диаметрально противоположно расставленных колец при помощи кожаных браслетов, которые продаются в некоторых магазинах Парижа и с которыми знакомо большинство молодых женщин, любимых мужьями. Верхняя пара располагалась на должной высоте (почти двухметровой) с тем, чтобы максимально возможно растянуть тело и при этом избежать риска причинить ему вред.

Клэр возобновила свои яростные ласки и с такой страстью впиалась в жертву, что уже нельзя было судить наверняка, относятся ли крики, вызываемые ею, к крикам боли или наслаждения. Всякие сомнения рассеялись, когда Клэр снова принялась хлестать широко раздвинутые ляжки и пах. Направленные удары, наносимые со всей отчаянностью и искусно ложащиеся один на другой, заставили девушку бешено извиваться, забывая о тугих путах. Тело ее было при этом так прекрасно, что по мере совершения жертвоприношения мое восхищение становилось только еще сильнее. Клэр, выбившись из сил, позволила себе передышку и принесла кляп, который должен был не дать крикам пленницы переполошить весь квартал. После этого она поставила возле себя спиртовку, помещенную для удобства на железную подставку. Запалив спиртовку, она положила на огонь инструменты.

Я восхищенно смотрел на длинные металлические иглы с острыми кончиками, имевшие с другого конца по деревянной ручке, благодаря чему их можно было держать, не обжигаясь. Выждав, пока они раскалятся докрасна, Клэр приступила к изощренной пытке сначала одной груди, потом — другой; вслед за тем она перешла к самому верху внутренних изгибов ляжек, куда не добралась плетью. Делала она это медленно, любовно рассчитывая интенсивность мучительных мгновений: начинала она с легких прикосновений к самой поверхности кожи, а заканчивала тем, что вгоняла острия игл на миллиметр в мясо.

Отчаянные метания девушки несколько мешали ее работе. Однако рычание боли, которое мы все же слышали, несмотря на кляп, сторицей возмещало ее старания. Слезы выкатывались теперь из-под черной повязки и стекали вдоль ноздрей жертвы. Она с трудом переводила дыхание. Когда Клэр вернулась к груди и сладострастно сконцентрировала свое внимание на округлости возле подмышки и порозовевших сосках, я подумал, что девушка переломает себе руки и ноги, с такой силой рванула она кольца, растягивавшие ее.

Потом я взял плеть и оттолкнул Клэр в сторону, чтобы самому, как было обещано, отхлестать груди. Я осмотрел девушку, отданную мне на милость. Она была вконец измотана своей борьбой и тщетной надеждой на сострадание. И я с наслаждением, изо всей силы ударил ее... Остановился я лишь тогда, когда на нежной коже вспыхнул тонкий кровотокающий шрам.

— Развяжите ее, — сказал я Клэр. — Снимите с нее браслеты... выньте кляп... снимите с глаз повязку... Положите ее на кровать...

Маленькая Энн не шевелилась. Она лежала на правом боку, отвернувшись к стене и подогнув колени. Плечи и ягодицы ее были истерты о камень колонны. Я лег рядом. Я обнял ее сзади, и наши тела слились...

И я изнасиловал Энн, не обращая внимания на ее муки, проникнув в нее, полумертвую, через самое узенькое отверстие.